

Образы дворянских усадеб в творчестве И.А. Бунина как духовные очаги русской культуры

Геннадий Манчук *

Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств,
Петербург, Россия

(дата получения: апрель 2013 г.; дата принятия: июнь 2013 г.)

Краткое содержание

В статье повествуется об огромном влиянии духовного богатства дворянских усадеб на культурный мир в Имперской России. На основе произведений Ивана Бунина, великого русского писателя, в статье раскрываются прекрасные образы дворянских усадеб и их обитателей. Прослеживается общая судьба крестьянства и дворянства, которые образовали уникальный этнокультурный социум. Наглядно доказывается, как культурный мир родовой дворянской усадьбы и природа срединной России повлияла на становление художественного дара Бунина. Произведения Ивана Бунина рассматриваются на метафизической основе, корни которой уходят вглубь русской мифологии. В статье красной нитью проводится мысль, что произведения Бунина рождают в душе добрые чувства и настраивают читателей на оптимистический лад.

Ключевые слова: дворянские усадьбы, знатное дворянство, мелкопоместное дворянство, духовный очаг, народные традиции, культурное богатство.

* Председатель Петербургского Бунинского Общества. Телефон: 8 (812) 3157455;
E-mail: nastulya@yandex.ru

Введение

В России на протяжении XVIII-XIX веков и в начале XX века созидалась и расцветала уникальная национальная культура, которая определила судьбоносные пути духовного поля Российской Державы на всех этапах её исторической судьбы.

Этот удивительный мир отечественной культуры сформировался в дворянских провинциальных усадьбах средней России и вошёл в историю как эпоха наивысшего расцвета её духовных и созидательных сил. Феноменальная усадебная культура России этого периода представляет собой явление самобытнейшее в мировой цивилизации, ибо из её благодатной колыбели вышли такие гении русского духа, как Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, С.В. Рахманинов и многие другие деятели русской культуры, воплотившие в своем творчестве гуманные и жизнеутверждающие черты бытия русского народа.

Поражает воображение тот факт, что к 1917 году вся европейская часть России была покрыта цветущей россыпью дворянских усадеб, число коих насчитывалось до ста тысяч! (Андреева 2001. 4). Это был богатейший и разнообразный усадебный мир, который определял культурную и хозяйственную жизнь России, и благодаря этому на её живописных просторах образовался неповторимый природно-архитектурный ландшафт, в котором красота и лиризм пейзажа гармонично сочетались с совершенством усадебно-парковых ансамблей.

В России есть места, священные для каждого русского человека. Это места, где жили и творили великие национальные поэты, писатели, музыканты, художники и мыслители. Такими благодатными местами в России, где всё напоминает о славном прошлом, являются дворянские родовые усадьбы. Среди них есть широко известные усадьбы мирового масштаба: Званка Г.Р. Державина, Михайловское А.С. Пушкина, Тарханы М.Ю. Лермонтова, Овстуг Ф.И. Тютчева, Ясная Поляна Л.Н. Толстого, Красный Рог А.К. Толстого, Поленово В.Д. Поленова и недавно восстановленная усадьба Озерки И.А. Бунина.

Основная часть

Всемирной известностью пользуются такие архитектурно-ландшафтные ансамбли, как усадебный дворец в Отраде, воспетый И.А.Буниним, усадебный дом в Остафьеве, дворец в Архангельском и другие прекрасные усадебные дворцы, построенные знаменитыми зодчими и украшенные талантливыми художниками, скульпторами и умельцами-мастерами из крестьян.

В течение полутора столетий эти знаменитые дворянские усадьбы являлись истинными очагами культурной жизни России и играли огромную роль в становлении её духовной мощи как Великой Державы. И в наши дни, превратившись в музеи, они продолжают выполнять свою значительную культурно-просветительскую миссию.

Наряду с этими знаменитыми усадьбами процветали и менее известные дворянские имения, владельцы которых вносили свою значительную и созидательную лепту в культурное и хозяйственное развитие Российского Государства. Среди этого богатейшего усадебного мира особое место занимают мелкопоместные усадьбы, в которых жила подавляющая часть дворянского сословия России. По своему жизненному укладу и хозяйственной деятельности они были наиболее близки к крестьянскому сословию, и вместе с ним составляли надёжную опору всей Российской Империи.

И как исключительное явление, характерное для России только этого периода, следует отметить, что мелкопоместное дворянство и многочисленное крестьянство составляли единую социальную систему, основанную на общинном сотрудничестве и взаимном духовно-культурном влиянии.

К этому культурно богатому, но забытому ныне, миру мелкопоместных дворянских усадеб принадлежал и последний классик русской литературы Иван Алексеевич Бунин. Он родился 10 октября 1870 года (по старому стилю) в городе Воронеже в родовитой дворянской семье, к тому времени уже обедневшей. Умер в Париже 8 ноября 1953 года, оставаясь до конца преданным Российской Державе, воспевая в своих книгах её былое величие и славу. Гибель Имперской России и последовавшая затем великая океанная

смута вынудили И.А. Бунина стать её изгнанником, но его благородное и страдающее сердце навсегда остались там, в той старой России, которую он любил до последнего своего вздоха.

Детство, отрочество и юность будущего Поэта, писателя, академика Российской академии наук, лауреата Нобелевской премии по литературе (1933г.) прошли в мелкопоместной усадьбе его родителей в деревне Озерки, куда из Воронежа переехала вся семья по причине крайнего оскудения. Сия исконно русская деревня с поэтическим названием Озерки, затерялась среди живописных окрестностей средней России, в тридцати верстах от старинного города Ельца, воспетого Буниным в романе «Жизнь Арсеньева».

Там, среди благоуханных цветущих полей, под чарующие мелодии степных певчих птиц, под высоким лазурным небом, в лоне любящей семьи и в окружении самобытного крестьянского мира и зарождался поэтический гений Ивана Бунина. Именно здесь, на просторах средней России следует искать истоки его дней и тайну его удивительного художественного дара, излучающего свет любви и высокую радость бытия на страницах его поэтических книг, воспевающих красоту русской земли и дивную душу русского человека.

В «Автобиографических заметках» Иван Алексеевич с пиететом пишет о дорогих его сердцу местах: «Все предки мои были связаны с народом и землёю, помещиками были и деды и отцы по матери и по отцу, владевшие именьями в средней России, в том плодородном Подстепье, где московские цари «в целях защиты государства от набегов татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, и где, благодаря этому, образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Толстым» (Бунин 2000. 27).

Воспитание чувств будущего писателя, поэтическое восприятие родной природы, постижение её таинственной метафизической сути начинались хоть и в печальных для его младенческой души обстоятельствах, но в весьма благотворной атмосфере усадебного мира. В «Жизни Арсеньева», этом

великом романе о воспитании благородной души, Бунин, говоря о своем герое (alter ego автора), вспоминает: «...Рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающим её, не знают ни зова пространства, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали тоску и мечту о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...» (Там же. 26).

Эти исповедальные воспоминания приоткрывают столь непостижимую тайну рождения художественного дара в юной восприимчивой душе и вызывают в памяти знаменитые стихи Пушкина, любимого Поэта Бунина:

*«И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Ещё не ясно различал»*

Бунин воспринимает окружающий усадьбу мир как чудо жизни, как колыбель любви, где душа стремится к прекрасному.

Если мы проследим творчество знаменитых писателей золотого века расцвета русской литературы, то убедимся, что становление их таланта тесно связано с уникальным усадебным миром России. И феноменальный талант Ивана Бунина об этом свидетельствует.

О кровной связи художественного мира Бунина с дворянской усадебной культурой писали многие отечественные критики. Так, великий русский философ Русского Зарубежья Иван Ильин пишет: «Творчество Ивана Алексеевича Бунина – последний дар русской дворянской помещичьей усадьбы, дар её русской литературе, России и мировой культуре... Она собирала чудесные библиотеки на четырёх, пяти языках и больше, не думая о

предстоящей им огненной гибели (1917-1919). Она сочетала мировую культуру с русской душой и русской природою, навсегда привязывая своих питомцев к России... Кто хочет читать и разуть Бунина, тот должен почуть эту атмосферу русской усадьбы и уловить её сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие...

Крестьянская простонародно-всенародная стихия – вот, наряду с усадьбой, второй исток творчества Бунина» (Ильин 1991. 27-29).

О родовых и культурных традициях в творчестве Бунина отмечается и в книгах замечательного буниноведа, профессора Галины Благасовой: «Феномен Бунина – это порождение русской усадебной дворянской культуры средней чернозёмной полосы... И совсем неслучайно многие герои писателя – помещики, обитатели затерявшихся в российской глубинке усадеб и хуторов, наследники дворянской чести и высокой культуры прошлого...» (Благасова 2001. 8, 11).

Владельцы этих многочисленных мелкопоместных усадеб были, как правило, людьми образованными, имели прекрасные библиотеки и создавали вокруг своих усадеб культурную среду, что благотворно влияло на окружающий крестьянский социум. Затерянные среди необъятных российских просторов, вдали от городов, эти усадьбы служили своеобразными культурными очагами для всего окружающего их мира.

Именно в родовой усадьбе своих родителей Бунин ребёнком впервые впитал в себя благоуханные влияния поэзии Пушкина, Жуковского, Лермонтова. И если мы сегодня говорим о классической отечественной традиции у Бунина то, прежде всего, имеем в виду его строгую приверженность и преданность реалистическим заветам Великого Поэта России.

Сладчайшие звуки Пушкинской лиры Бунин ребёнком впервые услышал из уст своей любимой матушки Людмилы Александровны, натуры впечатлительной и богато одарённой. Об этом незабываемом времени Бунин с благодарностью пишет:

«Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так ОСОБЕННО – с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нём, повторяли его стихи постоянно. Говорили и у нас, - отец, мать, братья. И вот одно из моих самых ранних воспоминаний: медлительное, по-старинному несколько манерное, томное и ласковое чтение матушки: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...», «Не пой, красавица при мне ты песен Грузии печальной...» В необыкновенном обожании Пушкина прошла вся её молодость, - её и её сверстниц... Ничего для моих детских, отроческих мечтаний не могло быть прекрасней, поэтичней её молодости и того мира, где росла она, где в усадьбах было столько чудесных альбомов с пушкинскими стихами, и как же было не обожать и мне Пушкина, и обожать не просто, как поэта, а как бы ещё и своего, нашего... И вся моя молодость прошла с ним.» (Бунин 2000. 443-444).

Читая эти сокровенные воспоминания Бунина, мы с ностальгической нежностью думаем о том непостижимом для нас, нынешних, на веки утерянном времени, когда в дворянских провинциальных усадьбах жила особая порода просвещённых русских людей, способная так глубоко мыслить и чувствовать. Непостижимая для западного человека загадочная русская душа воспитывалась именно в таком мире дворянских усадеб в благоприятном окружении вековых народных традиций.

Тема дворянских усадеб с их уходящей культурной аурой ностальгической мелодией проходит через всё поэтическое творчество Бунина:

«Люблю цветные стёкла окон

И сумрак от столетних лип,

Звенящей люстры серый кокон

И половиц прогнивших скрип.

Люблю неясный винный запах

Из шифоньерок и от книг

*В стеклянных невысоких шкапах,
Где рядом Сю и Патерик.*

*Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой набор,
И серебро икон в божничке,
И в горке матовый фарфор.*

*И вас, и вас, дагерротипы
Черты давно поблекших лиц,
И сумрак от столетней липы,
И скрип прогнивших половиц.»* (Там же. Т.1. 181-182).

Здесь чудесный образ угасающего усадебного дома уходит в сокровенную память сердца, но неизбежно манит и манит из прошлого, превращаясь в чудесный призрак.

Живописный образ дворянских усадеб в период их печального увядания любовно описан Буниным на страницах его чудесного рассказа «Антоновские яблоки». Здесь все дышит поэзией деревенского быта, а благоуханный слог неторопливого, томного повествования источает «тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести».

Бунин поэтизирует родной его сердцу уходящий усадебный мир и его обитателей, живших здесь когда-то и оставивших после себя прекрасный след. Для героя рассказа всё дорого в этом незабываемом прошлом: «А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, её полонезы на клавикордах, её томное чтение стихов из «Евгения Онегина». И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных причёсках кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...». (Там же. Т.2. 182-183)

Элегическая мелодия этих строк перекликается с бунинскими романтическими стихами, посвящёнными усадебному миру:

«Листья падают в саду...

В этот старый сад бывало,

Ранним утром я уйду

И блуждаю, где попало...

Я люблю, я молод, молод:

Что мне этот шум аллеи

И осенний мрак и холод?

Ветер вдаль меня влечёт,

Звонко песнь мою разносит,

Счастья просит!» (Там же. Т.1. 56)

Элегической теме оскудения дворянских усадеб и их медленному умиранию посвящена и повесть «Суходол», - таинственно-загадочная с преданиями далекой старины и мистическими знаками судьбы, что, словно рок, довлеют над всеми обитателями суходольской усадьбы. В образе Натальи, дворовой служанки, Бунин воплотил тот чудесный тип крестьянской девушки с простой, но благородной душой, которая слившись с этим усадебным миром и, привязавшись к нему, разделяет всю его драматическую судьбу.

С элегическим чувством автор описывает своих колоритных суходольских персонажей и близкий его сердцу угасающий усадебный мир, который вместе с самобытным крестьянским миром составлял уникальное этно-культурное пространство, благотворно влиявшее на все сферы духовной жизни России.

Но обречён ли на вечное исчезновение этот легендарный, многоликий русский мир, хранящий вечные устои своего этнического бытия?

И автор «Суходола» с мистической убеждёностью отвечает: Нет! Отнюдь нет! Об этом говорит и мифологический подтекст повести и сам авторский стиль, излучающий благоуханную летописную ауру легендарных старинных времён на Руси.

В повести «Суходол» Бунин впервые в своём творчестве решает тему

сохранения в вечной памяти основ народного бытия в метафизическом ключе. В «Несрочной весне» и в «Жизни Арсеньева» эта тема получает своё дальнейшее развитие. Впервые на эту особенность творческого метода Ивана Бунина обратил внимание известный критик Русского Зарубежья Фёдор Степун. В своей статье «Иван Бунин» он пишет: «Сила и сущность «Арсеньева» в том, что в нём встретились и слились две темы:

метафизически психологическая тема высветления бунинских воспоминаний в вечную память и исторически бытовая тема гибели Царской России». (Там же. Т.3. 15)

В «Суходоле» эта тема вечной памяти решается Буниным через символический образ святого Меркурия Смоленского. О его легендарном подвиге автор с пиететом пишет: «Мы слышали: был Меркурий муж знатный, призванный к спасению от татар Смоленского края гласом иконы Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы, разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами. Тогда, взяв свою голову в руки, пришёл он к городским воротам, дабы поведать бывшее... И жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой Икону Путеводительницы...». (Там же. Т.3. 140-141)

Под пером Бунина Икона Святого Меркурия превращается в мифологический чудотворный образ, что есть Святая Ипостась Самой Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы, под спасительным покровом которой вечно хранится в чертогах Её Небесной Памяти прекрасный земной удел Русской страны.

Для всех обитателей Суходольской усадьбы – это заветный чудотворный образ Святого, «переживший несколько страшных пожаров, расколовшийся в огне, толсто окованный серебром и хранивший на оборотной стороне свою родословную...» всех поколений.

И для всех суходольцев Святой Меркурий становится частью их мистической души, они доверяют ему свои судьбы и уповают на него, как на

своего родного Ангела-Хранителя, который проведет их через все испытания к жизни вечной.

Заветный мир бунинских дворянских усадеб – это идеальный русский мир культурных, воспитанных и красивых людей с высокими идеалами в душе, живущих в согласии с природой и окружающим социумом. Именно в таком гармоничном мире и воспитываются благородные люди, истинные патриоты своего Отечества. Ибо там, где запустение, пренебрежение славного прошлого, где угасли любовь, красота и добро, - растёт лишь унылая трава забвения.

А светносный мир бунинских усадеб излучает радость бытия, полноту жизни, желание счастья и созидательного творчества. И наиболее ярко и рельефно процесс становления творческого начала в художественно одарённой юной душе Бунин описывает в вершинном творении своего таланта – «Жизни Арсеньева», этой прекрасной эпической песне былой и могучей Имперской России.

И образ России, явленной нам на страницах феноменального бунинского романа, не кажется безнадежно погибшем в безпамятстве прошлого, напротив, - силой магического дара писателя её лучезарный образ со всеми её дивными ликами метафизически преобразуется в глубинную память сердца как залог бессмертия.

Мир России в романе «Жизнь Арсеньева» - это идеальный и духовно здоровый социум, уходящий своими живительными корнями в благодатную и культурную среду дворянских усадеб. Путь взросления и становления героя романа Арсеньева как духовно совершенной и творческой личности – это и путь многих и многих созидателей и творцов культурного и экономического расцвета Российской Державы. Таким виделся Бунину усадебный дворянский мир как духовный очаг русской культуры для всего Имперского пространства Российского государства.

И всё творчество Бунина, все его произведения в той или иной степени связаны с темой дворянских усадеб и их культурном влиянии на окружающую

жизнь. Их герои – духовно богатые люди, красивые и благородные. Такова утончённая юная девушка Натали из одноимённой новеллы, такова мечтательная Наталья Алексеевна из «Зари всю ночь», напоминающая по своему душевному складу пушкинскую Татьяну, такова и пленительная Оля Мещерская из «Лёгкого дыхания».

Эти бунинские героини выросли в дворянских усадьбах, где каждое движение окружающей природы сливается с движением человеческих чувств, а жизнь предстаёт как чудесный сплав из любви, добра и красоты.

Особое место в бунинском цикле новелл, посвящённых усадебной теме, занимает «Холодная осень». Её действие происходит в некой дворянской усадьбе в последние мирные дни, накануне мировой войны. Повествование ведётся от первого лица, невесты офицера, соседа по имению, который отправляется на фронт. Все герои новеллы: отец и мать невесты, сама невеста и её жених-офицер не названы по именам. И оттого вся эта дворянская усадьба, вся её вековая трогательно-родная атмосфера, весь её традиционный русский уклад приобретают символические черты всего усадебного мира России, обреченного на исчезновение. Это чувство близкой беды передаётся через скорбный музыкальный ритм, пронизывающий всю новеллу и напоминающий реквием. Это и есть бунинский реквием по погибшему уникальному миру русских дворянских усадеб, колыбели отечественной культуры.

В контексте новеллы явственно прочитывается горячая, почти мистическая, вера автора в то, что эти бесконечно родные образы дворянских усадеб не исчезнут навеки с лика земли, а перейдут метафизически в жизнь вечную, т.е. в генетическую память народа.

Такова сила провидческой зоркости Бунина!

Героиня новеллы вспоминает: «Убили его – какое страшное слово! – через месяц в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти всё то волшебное,

непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым... И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня – с той же любовью и молодостью, как в тот вечер.» (Там же. Т.6. 371).

Несмотря на трагическое звучание новеллы, она не вызывает чувства безнадежности, ибо душа героини устремляется в ту прекрасную вечность, где нет забвения ни любви, ни молодости, и где в благоухающем усадебном саду её ждет юный русский офицер, возлюбленный её сердца.

Та же бунинская тема памяти сердца развивается и в контексте «Несрочной весны», написанной в эпистолярном жанре. Это произведение, окрашенное в элегические тона, можно рассматривать как прелюдию к эпохальному роману «Жизнь Арсеньева», где тема гибели Имперской России и её огромного культурного наследия переходит в область метафизическую, т.е. в вечную и сокровенную народную память.

В «Несрочной весне» Бунин описал своё посещение знаменитой усадьбы XVIII века Отрада, родовое имение графов екатерининских времён Орловых – Давыдовых и те мысли и чувства, которые переполнили его душу при созерцании несметных духовных сокровищ и исторических реликвий этой чудом уцелевшей усадьбы среди бурного моря окаянной русской смуты.

Сказочно дивный дворец усадьбы был построен при просвещённом графе Владимире Орлове в 1774 – 1779 годах по проекту итальянского архитектора Жилярди в стиле ампир. Место для усадьбы было выбрано в живописной подмосковной местности на берегу реки Лопасни. Парки и сады были выполнены талантливыми крепостными мастерами.

В старой России в блистательные времена царствования Екатерины Второй усадьба Отрада была крупным центром культурной жизни Державы. Магическая словесная живопись бунинского пера переносит нас в этот «зачарованный мир бывшей княжеской усадьбы»: «Она несказанно прекрасна... Я переходил старинный каменный мост и подымался к усадьбе. Она осталась, по счастливой случайности, нетронутой, не разграбленной, и в ней есть всё, что обыкновенно бывало в подобных усадьбах. Есть церковь,

построенная знаменитым итальянцем, есть несколько чудесных прудов; есть озеро, называемое Лебединым, а на озере остров с павильоном, где не однажды бывали пары в честь Екатерины, посещавшей усадьбу... Я входил в огромные каменные ворота, на которых лежат два презрительно-дремотных льва и уже густо растёт что-то дикое, настоящая трава забвения, и чаще всего направлялся прямо во дворец... и я мог свободно проводить целые часы в покоях дворца как дома. И я без конца бродил по ним, без конца смотрел, думал свои думы... Потолки блистали золочённой вязью, золочёнными гербами, латинскими изречениями... В лаковых полах отсвечивала драгоценная мебель... И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавцы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами! И ярче и величавее всех Екатерина. С какой благостной весёлостью красуется, царит она в этом роскошном кругу!

А в одном кабинете лежит на небольшом письменном столе и странно, поражает взгляд коричневое бревно с золотой пластинкой, на которой выгравировано что это – частица флагманского корабля «Св. Евстафий», погибшего в битве при Честме «во славу и честь Державы Российския...»...

Часто бывал я и в нижних залах... Там устроены в стенах ниши с полками, и на этих полках мерцают тусклым золотом десятки тысяч корешков, чуть не всё главнейшее достояние русской и европейской мысли за два последние века... А перед отъездом был я в знаменитой церкви. Она в лесу, на обрыве, круглая, палевого цвета и сияет в синем небе золотой маковкой... Я спустился в непроглядную темноту склепа, озаряя красным огоньком воскового огарка громадные мраморные гробы, громадные железные светильники и шершавое золото мозаик по сводам... Неужели и впрямь они здесь, те красавицы с лазоревыми очами, что царствуют в покоях дворца? Нет, мысль моя не мирилась с этим...

И росло, росло наваждение: нет, прежний мир, к которому был причастен я некогда, не есть для меня мир мёртвых, он для меня воскресает всё более,

становится единственной, и всё более радостной, уже никому не доступной обителью моей души!» (Там же. Т.4. 386-390).

Воистину, - чудотворная сила исходит от чудодейственного дара Бунина! Этот образ «сказочно-спящего творца, затерявшегося в бору» вызывает в памяти русские волшебные сказки с их мёртвой и живой водой, заколдованными дворянами и спящими в них вечным сном царевнами. И как в сказке, в некий заветный час злые чары, заколдовавшие этот дивный бунинский дворец, сгинут, исчезнут, будто их и не было, и оживут священные тени былого.

В таком мифологическом ключе заканчивает Бунин свою удивительную «Несрочную весну», с её благоухающей высокой поэзией и горячей мистической верой в бессмертие своего любимого Отечества, чей родной образ превращается в вечную память сердца.

Заключение

Таким образом, русский гений Иван Бунин оставил России и миру безценное наследие – свои прекрасные поэтические книги, преобразующие душу человека и зовущие его в солнечную страну добра, любви и красоты. И поэт вопрошает нас из своей небесной обители: «Достойны ль мы своих наследий?»

В XX веке над Россией пронеслись погибельные огненные бури, в их огне погиб и цветущий мир дворянских усадеб, воспетый несравненным пером Бунина. Но их благородный след не исчез навеки с лика русской земли. Память о них хранят священные камни, их дивный лик живёт в сокровенных уголках народного сердца. И пришло, пришло судьбоносное время собирать эти драгоценные камни и окроплять живой водой памяти траву забвения!

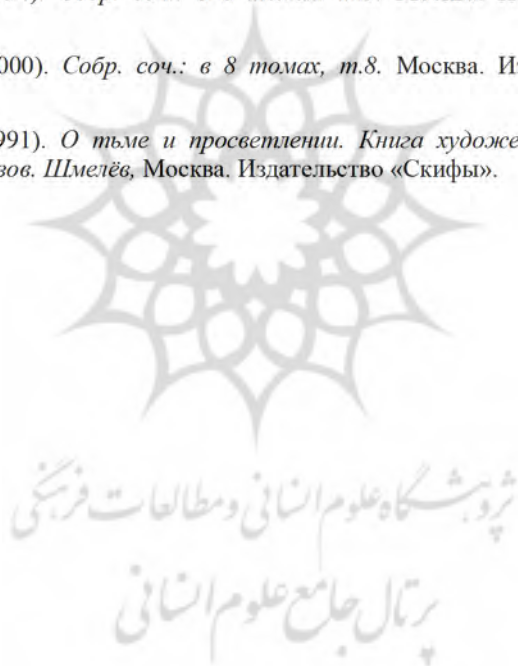
И пусть всегда светит нам далёкая бунинская звезда – путеводительница!

«Не поколеблено одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца силы Адовы».(Там же. Т.8, 474)

Выражается надежда, что культурное богатство этих погибших дворянских усадеб не будет предано забвению в новой России.

Литература

- Андреева Р.В. Попова Л.Ф. (2001). *Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века*. Воронеж. Издательство «Центр духовного возрождения Черноземного края».
- Благасова Г.М. (2001). *Иван Бунин: жизнь, творчество, проблемы метода и поэтики*. Москва-Белгород. Издательство «Белгородский государственный университет»
- Бунин И.А. (1994). *Собр. соч.: в 8 томах. т.3*. Москва. Издательство «Моск. рабочий».
- (2000). *Собр. соч.: в 8 томах, т.8*. Москва. Издательство «Моск. рабочий».
- Ильин И.А. (1991). *О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв*, Москва. Издательство «Скифы».

سیمای املاک اشرافی در آثار ایوان بونین به عنوان کانون معنوی

فرهنگ روسی

گنادی مانچوک*

عضو وابسته فرهنگستان علوم و هنر پتر، سن پترزبورگ، روسیه

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۳)

در این مقاله تأثیر فراوان غنای معنوی املاک اشرافی بر دنیای فرهنگی امپراتوری روسیه بررسی شده است. سیمای فوق‌العاده املاک اشرافی و ساکنان آنها و سرنوشت مشترک دهقانان و اشرافی که اجتماع فرهنگ مردمی اصیل را تشکیل می‌دهند به شکل بارز و به‌خوبی در آثار ایوان بونین، نویسنده بزرگ روسیه به نمایش گذاشته می‌شود. این پژوهش نشان می‌دهد که چگونه دنیای فرهنگ اصیل املاک اشرافی و طبیعت روسیه مرکزی بر روی شکل‌گیری استعداد هنری بونین اثر گذاشته است. بعد ماوراءالطبیعه در آثار بونین بسیار بارز است که ریشه آن از اعماق اسطوره‌شناسی روسی نشأت گرفته است. برانگیختن احساسات نیک انسانی و ترغیب خوانندگان به خوش‌بینی محور اساسی و درخشان آثار او محسوب می‌شود.

واژه‌های کلیدی: املاک اشرافی، اشراف برجسته، اشراف خرد، کانون معنوی، سنت‌های مردمی، غنای فرهنگی.